

На правах рукописи

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна

ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Специальность: 10. 02. 01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2003

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Березович Е.Л.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гридина Т.А.
кандидат филологических наук
Родионова И.В.

Ведущая организация: **Тюменский государственный университет**

Защита состоится “___” _____ 2003 г. на заседании диссертационного совета Д 212. 286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан “___” _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучая особенности отражения в языке духовной культуры народа, его картины мира, современная русская антропологическая лингвистика (в частности, такие ее направления, как этнолингвистика и лингвокультурология) обращается к различным по своему статусу языковым явлениям: одни исследователи работают преимущественно на синхронном материале литературного языка и художественных текстов (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Н.А. Купина, И.Б. Левонтина, М.Ю. Михеев, Е.В. Рахилина, И.И. Сандомирская, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.), другие используют диалектные данные, факты истории языка, общеславянский фон (Ж.Ж. Варбот, Т.И. Вендина, А.Ф. Журавлев, В.М. Мокиенко, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, О.А. Черепанова, А.В. Юдин, Е.И. Якушкина и др., ср. также работы Е.Л. Березович, И.В. Родионовой, М.Э. Рут, выполненные на ономастическом материале). Выбор участка лексикона, подвергаемого изучению в этнолингвистическом аспекте, может быть обусловлен аксиологической нагрузкой или идиоэтнической окраской представлений о каком-либо фрагменте действительности, стоящих за языковыми единицами.

Значимой с точки зрения этнокультурного содержания, воплощенного в семантике и внутренней форме слов, можно считать лексику и фразеологию, номинирующую умственные способности человека. Лексико-семантическое поле «Интеллект человека» следует охарактеризовать как *уникальное по объему и составу, представленное во всех формах существования русского языка, отличающееся высокой экспрессивностью, содержащее большой процент образных слов, сохраняющее количественное преимущество за словами с «живой» мотивацией и потому служащее «идеальным» материалом для когнитивной интерпретации.*

Феномен человеческого интеллекта и его явленность в лексике и фразеологии языка всегда вызывал неподдельный интерес у исследователей, о чем говорит богатая традиция изучения языковых единиц интеллектуальной сферы. Семантические, прагматические, мотивационные, аксиологические и прочие аспекты анализа лексики поля «Интеллект человека» затрагиваются в трудах И.М. Кобзевой, М.Л. Ковшовой, Л.Е. Кругликовой, Л.Б. В. Айрапетяна, Ю.Д. Апресяна, Т.В. Бахваловой, О.Ю. Богуславской, Т.И. Вендиной, Т.М. Ворониной, В.Г. Гака, М.К. Голованивской, О.П. Ермаковой, А.А. Зализняк, Л.А. Ивашко, В.И. Карасика, Никитиной, С.Е. Никитиной, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, М.Э. Рут, Е.В. Урысон и др. В то же время русистами пока не предпринимались попытки описать данное поле целостно (без введения ограничений по социолингвистическому, территориальному, структурному либо частеречному основанию) и осмыслить его как семантико-мотивационное единство, представляющее собой определенным образом структурированное пространство, развивающуюся систему, варьирующую во времени и социуме.

Объектом внимания в настоящей работе является лексико-семантическое поле «Интеллект человека» в русском языке, границы которого определены достаточно широко. Оно объединяет оценочную и нейтральную с точки зрения оценки лексику, соотносимую с представлениями об указанном фрагменте действительности. В состав поля мы включаем как характеристики человека по интеллекту (*глупый, тупой, сообразительный*, диал. *вковырчивый, упак*, жарг. *эдельвейс*), так и обозначения умственной способности (*ум, сообразительность*, диал. *грунт*), а также интеллектуальных действий (*думать, не соображать*, диал. *окочурило (кого)*, жарг. *врубаться, тормозить*). В рамках поля представлены различные по структуре единицы – как цельнооформленные лексемы, так и фразеологизмы (а в некоторых случаях факты паремиологии).

Материал исследования включает в себя факты разных форм существования русского национального языка, преимущественно диалектные, просторечные и жаргонные единицы, так как в них наиболее рельефно просматривается набор метафор, используемых носителем языка для выражения «интеллектуальной» семантики, и стоящих за ними мотивационных признаков. При этом диалектный и жаргонный лексиконы в определенном смысле образуют два полюса рассматриваемого словесного пространства, поскольку система оценок и ценностей во многом определяется социальным статусом своего носителя и варьирует в разных социальных стратах. В современном русском обществе оппозицию образуют традиционная народная («крестьянская») аксиология и те ориентиры, которые выработаны в рамках городской молодежной субкультуры. Различия в этих установках отражаются, соответственно, в лексике говора и жаргона, что задает контрастивный ракурс, важный для предпринимаемого исследования. Лексика литературного языка представлена в работе выборочно.

Материал отбирался методом сплошной выборки из дифференциальных лексикографических источников. Фронтальный просмотр Словаря русских народных говоров, Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля, Большого словаря русского жаргона обеспечил достаточно полный охват данных русских говоров, молодежного и уголовного жаргона. Кроме того, к рассмотрению привлечен ряд диалектных словарей, фиксирующих лексику Русского Севера и Среднего Урала, а также специализированные словари молодежного жаргона. Особо следует выделить неопубликованные материалы картотеки Словаря говоров Русского Севера, хранящейся на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, собранной в результате многолетней полевой работы. В работе использованы данные опроса информантов (студенческая и работающая молодежь, 18–25 лет, около 200 человек, 1997–2002 г.), которым было предложено воспроизвести несколько известных им слов или выражений со значением оценки интеллектуальных способностей человека. Кроме того, материал пополнялся путем включенного наблюдения автора за спонтанной речью современного города. Всего собрано около 5000 номинаций со значениями из сферы «Интеллект человека».

Актуальность настоящего исследования видится в следующем: оно позволит целостно охарактеризовать важный фрагмент русской языковой картины

мира, связанный с представлениями об интеллектуальных способностях человека. Комплексные этнолингвистические исследования такого рода, объединяющие анализ фактов различных подязыков, отсутствуют в современной русистике.

В качестве *предмета исследования* мы выбрали организацию семантической и мотивационной структуры поля «Интеллект человека», которое включает в себя два контрастных лексических множества в соответствии с наличием отрицательных и положительных характеристик умственных способностей человека. Анализ семантической структуры поля предполагает определение основных смысловых блоков поля (т.е. выделение в его составе лексико-семантических зон, которые, в свою очередь, членятся на сектора), оценку объема и продуктивности секторов, описание особенностей взаимодействия данного поля со смежными полями – т.е. его «ближними соседями», а также когнитивную интерпретацию закономерностей построения семантического поля. Но наибольшее внимание уделяется в работе изучению мотивации, которая рассматривается в двух ракурсах. С одной стороны, «донорами» для выражения «интеллектуальной» семантики регулярно становятся определенные пласты лексики (сферы отождествления, предметно-тематические коды); с другой стороны, выделяются некоторые мотивы, идеи, которые могут воплощаться средствами разных кодов. Набор мотивов и набор кодов (и далее – конкретных метафор) «цементируют» поле каждый со своей стороны, «сцепляют» языковой материал, образуя два каркаса, две сетки предпочтений номинатора, каждая из которых (в разной степени) обладает этническим своеобразием.

Целью настоящего исследования является когнитивно-ориентированная интерпретация лексико-семантического поля «Интеллект человека» в русском языке.

Сообразно поставленной цели предполагается решение следующих *задач*: 1) выявление массива слов с «интеллектуальной» семантикой в разных формах существования русского языка, составление словаря русских лексем и фразеологизмов, выражающих интеллектуальные оценки, называющих мыслительную способность и интеллектуальные действия; 2) характеристика структуры лексико-семантического поля, установление его границ и связей с другими полями; 3) выявление номинативных моделей, лежащих в основе изучаемых лексем и фразеологизмов, и систематизация их в рамках предметно-тематических кодов; 4) определение иерархически организованного набора мотивов, образующих «ментальный каркас» для образных реализаций; 5) лингвистическое портретирование понятий *ум* и *глупость*.

В работе используются следующие *методы*: метод полевого анализа, ономаσιологический метод и приемы семантической реконструкции, метод лингвистического портретирования; также были использованы элементы статистического анализа.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществляется этнолингвистическое исследование разнородного по социокультурным параметрам лексико-фразеологического фонда «Интеллект человека» в русском

языке. В научный оборот вводится обширный языковой материал, в том числе собранный в полевых условиях.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней предложен и внедрен алгоритм анализа семантической и мотивационной структуры лексико-семантического поля, на основании которого разработана когнитивная модель поля (на примере лексико-семантического поля «Интеллект человека»). Идеи и выводы работы имеют ценность для изучения этнокультурного своеобразия лексики русского языка. Кроме того, в работе предлагается ряд конкретных семантических реконструкций для лексем и фразеологизмов с затемненной внутренней формой.

Исследование имеет **практическую значимость**, поскольку его результаты могут быть использованы в вузовских курсах по диалектологии, спецкурсах по этнолингвистике, ономастологии, этимологии. Материалы работы могут войти в словари жаргонной и просторечной лексики русского языка.

Апробация работы. Основное содержание работы изложено автором в докладах на Ежегодной региональной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики» (1998, Екатеринбург); на Международной научной конференции «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (2001, Екатеринбург); на 8-й Российской научно-практической конференции «Сельская Россия: прошлое и настоящее» (2001, Орел); на Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В.И. Даля (2001, Ярославль); на Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование» (2002, Екатеринбург); на IV Международной научной конференции «Русская диалектная этимология» (2002, Екатеринбург). По теме опубликовано 10 научных работ, в том числе 7 статей и 3 тезисов.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения (здесь представлен словарь русской лексики, связанной с характеристикой интеллектуальных способностей человека). Общий объем работы составляет _____ страниц, из которых _____ составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность избранной темы, оговаривается специфика материала и принципы его отбора, определяются задачи и методы исследования, его цель, описывается структура работы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА (*Семантическая структура поля «Интеллект человека» в русском языке*) содержит структурно-семантический анализ изучаемого поля с целью установления принципов его организации и связей с другими полями. Прежде всего задается **деление поля на две полярные области**, условно обозначенные как лексико-семантические зоны «Ум» и «Глупость», а затем поочередно описывается их семантическая структура.

Обзор **основных идеограмм** каждой зоны предлагается в виде списка значений (с примерами), распределенных по трем группам в соответствии с тремя

основными частями речи, представленными в обсуждаемом лексико-семантическом поле. Для положительного полюса («Ум») это:

1) субстантивные обозначения абстракций и субъектов мыслительной деятельности: сущ. со знач. 'способность мыслить' (*ум, рассудок, сообразительность*, диал. *буки, осамка*, жарг. *угол, нефеш*); отглагольные сущ. со знач. 'процесс мышления' (*раздумье, постижение, осмысление*, диал. *ломанина*, жарг. *всос*); сущ. со знач. 'продукт мышления, идеальный объект' (*мысль, идея, догадка, соображение*, диал. *мысел, накумеки, домёк*); 'компетентный, сведущий, образованный, имеющий знания человек' (*знаток, эрудит*, диал. *знаха, культурник*, жарг. *борода, букварь*); 'интеллектуально полноценный (умный, сообразительный, толковый и т.д.) человек' (*умница*, диал. *баловница, глуздырь*, жарг. *башкан*); 'задумчивый человек' (диал. *думник*, жарг. *брахманутра*);

2) глагольные обозначения выполняемых человеком интеллектуальных действий, а также воздействия на интеллект человека: 'самостоятельно осуществлять мыслительное действие' (*думать, понимать, рассуждать, соображать, задуматься, догадаться, постичь*, диал. *окидаться*, жарг. *дошурупить*); 'иметь или приобретать знания' (*знать, узнавать*, диал. *малкать*, офен. *севрать*); 'совершенствовать мыслительную способность; браться за ум' (*умнеть*, диал. *обоумиться*, жарг. *сгнуть*); 'испытывать воздействие на интеллект некой идеальной субстанции, находящейся извне' (*пришло на ум; озарило*, диал. *отдало (кого), палось (кому что)*, жарг. *торкнуло*); 'помочь кому-л. выполнить мыслительное действие, воздействовать на интеллект другого субъекта' (*объяснить, толковать, вбить в голову, убеждать*, диал. *натакать*);

3) адъективные обозначения качеств субъекта интеллектуального действия: 'способный к мыслительной деятельности' (*умный, догадливый, понятливый, находчивый*, диал. *клевашиной*, жарг. *врубчивый*); 'погруженный в размышления' (*задумчивый*, диал. *тюмиристый*); 'образованный, много знающий' (*эрудированный*, диал. *дуркованный, познаткой*, жарг. *секучий*).

По такому же принципу описаны отрицательно-интеллектуальные значения.

Анализ **общих принципов семантической организации** поля дал следующие выводы: 1) для лексико-семантического поля «Интеллект человека» характерно наличие больших синонимических рядов; 2) лексический арсенал, реализующий какое-либо значение или группу близких значений, образует отдельный сектор в составе поля; 3) каждый сектор – сравнительно с другими секторами – имеет больший или меньший номинативный «удельный вес»; 4) применительно к секторам одной лексико-семантической зоны («Ум» или «Глупость») информативен метод статистического анализа.

Выявлены **закономерности семантического членения** каждой зоны: а) значения лексем зоны «Ум» с высокой частотностью содержат динамическую составляющую, поскольку описывают процесс; б) слова лексико-семантической зоны «Глупость» преимущественно выполняют функцию характеристики, поэтому субстантивы занимают здесь главенствующее положение, будучи наиболее категоричными в выражении оценки, в особенности отрицательной; в) синонимический ряд существительных со значением 'интеллектуально полноцен-

ный человек' почти не представлен в русском литературном языке, но активно разрабатывается в диалекте и жаргоне: диал. *быстречик, голован, догада, ешенька*; жарг. *жид, продюсер* и др.; чтобы выразить то же самое средствами литературного языка, потребуется использование описательных конструкций: *умный / находчивый человек, сообразительный ребенок, умная женщина*; г) среди наименований мыслительной способности преобладают диалектные единицы с общим значением 'ум, разум, рассудок, сообразительность' (*толк, раз-мозол, алабор, арт, багмат, ён, глузд, грунт, докон, дострёмка, дошлость, мысел, паморок, пах, розмысел* и др.); д) нередко одна лексема имеет два и более «ментальных» смысла, что свидетельствует о тесной взаимосвязи значений 'думать' и 'понимать', 'понимать' и 'знать', 'образованный' и 'умный'; е) лексико-семантические зоны имеют собственные ядерные значения: для зоны «Ум» – 'мыслить', для зоны «Глупость» – 'дурак'.

Описание каждой лексико-семантической зоны завершается перечислением **смежных («соседних») полей**, состав которых устанавливается на основании регулярно повторяющихся в дефинициях слов поля «Интеллект» сочетаний двух или нескольких характеристик человека, что наиболее характерно для диалектной семантики: 'умный и энергичный' (*резака* 'бойкий, энергичный, сметливый человек', *востряк* 'догадливый, расторопный человек', *докий* 'ловкий, смысленный, расторопный'), 'умный и умелый' (*гусар* 'смекалистый, работающий человек', *вытный* 'умный, деловой, старательный, добропорядочный', *проворый* 'сообразительный, смекалистый, умелый, деловой'), 'умный и опытный' (*дотёпистый* 'умный, сообразительный, опытный'), 'глупый и беспокойный' (*байдака* 'озорник, буян; дурак', *галдарейка* 'бестолковый и крикливый человек') и др.

Глава завершается изучением **проблемы границ поля** «Интеллект человека». Отбор лексики интеллектуальной сферы производится на семантическом основании, но иногда бывает затруднительно разграничить «чисто» интеллектуальные и прочие ментальные значения, находящиеся на периферии исследуемого поля (например, 'образованный', 'помнить' и 'забыть', 'сомневаться' и 'быть уверенным', 'компетентный', 'легкомысленный' и др.). В подобных случаях следует, учитывая семантический и мотивационный критерии разграничения, искать ответ на вопрос о том, есть ли сходство языковых репрезентаций представлений об образованности (или памяти и др.) и умственной способности. Например, о близости концептов ума и образованности говорят общие для них мотивы: "темный" (*затемнелый, затемнённый, темный* 'некультурный, отсталый, неграмотный'; *потемистый* 'умственно ограниченный, глуповатый', *в голове ещё не прозвездило (у кого)* 'глуп') и "твердый" (различные реализации «деревянной» метафоры). А в концепте обмана обнаруживаются метафоры обходной дороги (*огибенивать* 'дурачить', *объехать на кривых оглоблях* 'обмануть, надуть'), верчения (*объюлить* 'обмануть'), плетения (*оплетать* 'одурачивать', *оботкать* 'обмануть'), нехарактерные для поля «Интеллект человека». Актуализация контакта *умного* и *глупца* в ситуации обмана происходит лишь в наименованиях типа *омрачать* 'вводить в заблуждение, обманывать', поскольку

ку они соотносимы с представлением о глупце как о том, кто не видит, блуждает в темноте. Хотя подразумевается, что обманутый глуп, а обманувший умен, носитель языка все же ощущает суть обмана несколько иначе, чем просто взаимодействие умного и недогадливого. Следует заключить, что этот концепт обладает собственной яркой индивидуальностью и, как следствие, может быть выпущен из внимания при изучении поля «Интеллект человека».

По этому образцу каждое понятие, которое предположительно является пограничным, смежным по отношению к анализируемому полю, может быть оценено с точки зрения необходимости его рассмотрения в рамках поля либо условно выведено за его пределы. Периферийные элементы поля «Интеллект человека» находятся на различном «семантическом расстоянии» от центра. Концепты проницательности, сомнения, памяти, остроумия, образованности, компетентности составляют периферию поля «Интеллект человека», так как в них сочетаются уникальные и универсальные для других понятий того же поля черты. Хитрость, обман, фантазия, изобретательность, принятие решения, уверенность – ментальные концепты, почти не имеющие точек соприкосновения с образной фактурой поля «Интеллект» – находятся на его границе, так как имеют в качестве неосновных «интеллектуальные» семы ‘умственная операция’ или ‘способность к умственной деятельности особого рода’.

ВТОРАЯ ГЛАВА (*Лексика поля «Интеллект человека» в русском языке: мотивационный аспект*) – реализует ономаσιологический подход к словам интеллектуальной сферы и состоит из четырех разделов.

В **первом разделе** (*Принципы обработки и интерпретации материала*) излагается понимание автором используемых терминов и задается ракурс исследования. Ономаσιологический подход к языковому материалу позволяет иначе, чем семантический, сфокусировать пространство поля, разбив его на другие участки. В этом случае функцию организующих центров поля выполняют, с одной стороны, мотивы, идеи, с другой стороны – предметно-тематические коды (т.е. определенные сферы отождествления, предметные «языки», опосредованно говорящие о каком-либо явлении и поставляющие «сырье» для конкретных образов, метафор, фреймов). Те и другие обнаруживают себя во внутренней форме слов и фразеологизмов, указывая, соответственно, на причину присвоения нового словесного знака объекту номинации и на арсенал средств, при помощи которых производится номинация. Наличием этих структурных единиц определены два угла зрения на объект исследования, представленные во 2 и 3 разделе данной главы.

Во **втором разделе** (*Предметно-тематические коды, реализованные в лексике поля «Интеллект человека»*) изучается 14 предметно-тематических кодов, каждому из которых посвящен параграф. Лексический материал распределен по **моделям номинации**, принадлежащим определенному предметно-тематическому коду. Внутри кода они сгруппированы в подразделы в соответствии с образом, к которому апеллируют слова и фразеологизмы. Например, выражения *масла нет в голове* ‘о глупом человеке’ и *с маслом разыскана* ‘глу-

пая, дурочка', имеющие разные мотивационные основания ("лишенный необходимого содержания" и "редкий, единственный в своем роде" соответственно), рассматриваются в одном подразделе кулинарно-гастрономического кода. В конце подраздела предлагается перечень мотивов, которые реализованы посредством образа, заявленного в названии подраздела: для номинативного материала с положительно-интеллектуальной семантикой – под буквой а), для номинативного материала с отрицательно-интеллектуальной семантикой – под буквой б). Этот список представляет собой, так сказать, «мотивный потенциал образа».

Среди представленных в границах одного кода моделей имеются симметричные (получившие отражение на обоих полюсах изучаемого поля) и несимметричные (характерные только для одного полюса поля «Интеллект человека» – отрицательного или положительного).

Например, в составе *речевого кода* представлены две симметричные и две несимметричные модели, т.е. четыре подраздела.

Первый подраздел (*Мыслительная способность – речевая способность*): Работа ума ассоциируется с успешной реализацией речевой способности, а нарушения речи служат симптомом интеллектуальной неполноценности человека. Положительный полюс представлен глаголом *думать*, располагающимся в центре поля «Интеллект человека» и первоначально не принадлежавшим к ментальным глаголам (ср. слав. **duma*: 'дыхание' → '(произнесенное) слово'). Лексема *слово* в источниках древне- и старорусского периодов имела значение 'ум, разум, интеллект'. Диал. глаголы *гласиться* 'иметься в думах, мыслиться' и *изболтать* 'выдумать' отсылают к процессу говорения. Глаголы *ростолмовать*, *втлумачить*, *раствердить* 'объяснять, растолковывать' описывают интеллектуальное воздействие на собеседника, осуществляемое при помощи речи. Слова *рот* и *губы* тоже являются знаком речевого оформления продуктов умственной деятельности: диал. *набрести на рот*, *приплыть к губам* 'прийти на ум; вспомниться', *в рот не въехало* 'не догадался'.

Таким образом, в наименованиях интеллектуального действия акцент делается на способности говорить как таковой, без подчеркивания каких-либо характеристик речи. Зато речь дурака не соответствует нормативам, ср. модели **дурак – лишенный речевой способности** (диал. *немко́* 'немой человек' и 'придурок'); **дурак – не владеющий связной речью** (*двух слов связать не мочь*); **дурак – говорящий глупости** (диал. *тарарык* 'глупый человек' ← *тарарыкать* 'говорить вздор, чепуху', жарг. *ахинеищик* 'дурак, тот, кто говорит глупости'); **дурак – косноязычный, бормочущий** (*кутуй* 'глупый человек' и 'неразборчиво говорящий человек', *алалыка* 'дурак' и 'тот, кто непонятно говорит, бормочет', *нюгайдун* 'дурак' ← *нюгайдать* 'говорить невнятно, гнусавить') и др.

В перечисленных лексемах воплощены мотивы: а) способный говорить; отношение слова и мысли как плана выражения и плана содержания; б) неспособный говорить, молчащий; имеющий дефекты произношения, плохо говорящий.

Второй подраздел (*Интеллектуальная характеристика человека – степень открытости, экстравертированность речи*) включает в себя две модели: **умный – скрытный, молчаливый** (диал. *забрать за губу* ‘задумать что-либо’, *загубина* ‘мысль, слова, оставшиеся невысказанными’) и **глупый – болтливый** (диал. *горлопятина* ‘дурак’ и ‘крикун, горлопан’, *одна голова – два языка* ‘о глупом’, жарг. *словесный понос – умственный запор и молчи, за умного сойдёшь*). Мотивы: а) сдержанный; б) несдержанный; диспропорция речевых и интеллектуальных усилий.

Третий подраздел (*Глупость – речевое действие, состоящее в многократном повторении одного и того же*) включает слова *дундук, долдон, талдон, долмат* и др., которые соотносятся с глаголами со значением ‘говорить беспрестанно одно и то же; болтать’. Подобные речевые действия могут приписываться противоположным участникам речевого акта: субъекту речевого действия – тому, кто бестолково твердит одно и то же, или адресату речевого воздействия – тому, кто не понимает сказанного, кому приходится повторять одно и то же несколько раз. При общности мотивировочных признаков – ‘повторяемость речевого действия’ и ‘напрасность, бесполезность речевых усилий’ – существенны различия в реконструируемых мотивационных моделях. Мотивы: не реагирующий на речевое воздействие; диспропорция речевых усилий и интеллектуальных.

Четвертый подраздел (*Глупый человек – имеющий «неправильное» произношение*): Особенности речи некоторых групп диалектоносителей лежат, например, в основе тамб. *когокнуть* ‘проявить простоватость, простодушие, свойственные русскому’, ср. моск. и тул. *когóкать* ‘произносить *г* в окончаниях род. пад. прилагательных и местоимений’. Мотив: выделяющийся по речевым характеристикам.

Представив схему анализа на примере речевого кода, охарактеризуем кратко другие коды. Большое количество номинаций интеллектуальной сферы рассматривается в рамках **физиолого-соматического кода**. Дурак, например, видится лопоухим, у него узкий лоб и выпученные глаза, открытый рот и счастливое выражение лица, он высок и физически развит (диал. *вислоухий* ‘недогадливый’, *лоб в два шнурка* (у кого) ‘о глупом человеке’, *лупоглаз* ‘ротозей; простофиля, дурак’, *ротопеля* ‘дурачок’, жарг. *жизнерадостный* ‘психически ненормальный’, диал. *дылда* ‘глупый, простоватый человек высокого роста’, жарг. *шварцнеггер* ‘культурист, не отличающийся высоким интеллектом’), умный имеет большую голову с лысиной, высокий морщинистый лоб (диал. *головистый*, жарг. *грандиозная плешь* ‘умница, талант’, разг. *семи пядей во лбу*, жарг. *ум наморщить* ‘задуматься’). Интеллект видится носителю языка как орган: *мощь интеллекта, тренировать интеллект, упражнения для развития интеллекта, напрячь ум*. Умный человек имеет статус здорового (литер. *здравый смысл*), глупость же расценивается как болезнь (жарг. *больнуша* ‘дурак’, *тяжёлый случай* ‘о несообразительном человеке’, *лечись, пока бесплатно и отдохни!* ‘говорится плохо соображающему человеку’, *паралитик, рахит, мутант* ‘о глупом человеке’). Представление об интеллектуальной несостоятельности людей двух возрастных категорий лежит в основе диал. *ум прожить* ‘по-

глупеть от старости' и *младоумие* 'неразвитость, недогадливость'. Ум ассоциируется со способностью чувствовать (диал. *чувствовать* 'помнить, знать, понимать', *нюхловатый* 'смышленный, догадливый', *провидоха* 'смекалистый человек'), глупец же предстает нечувствующим, невидящим, неслышащим (диал. *бесчувной* 'бестолковый', *слепой* 'неграмотный', *полусветный* 'бестолковый, полонумный'). В поле «Интеллект» проявляет себя оппозиция жизнь – смерть, ср. диал. *живчики в глазах ходят* 'об умном, живом выражении глаз', *отпетый дурак*, жарг. *мёртвый* 'о том, кто перестал соображать'. Разрабатывается метафора зачатия и деторождения: жарг. *насиловать мозги*, *вынашивать замысел*, *родилась идея*.

Социальный код. Эталонно умными предстают в наивном языковом сознании *политик*, *продюсер*, *медицинский работник*, *шахматист* (диал. *политикованный* 'образованный', жарг. *продюсер* 'умный, сообразительный человек', *медик* 'сообразительный, хитрый человек', *шахматист* 'умник, зазнайка'). Образцово глупыми представляются *поп*, *рабочий завода*, *военный* (диал. *два дурака: поп да петух, кто помрёт – он поёт* 'о недалеком, глуповатом человеке', жарг. *Дунька с мыльного завода* 'неотесанная, необразованная, обычно провинциальная женщина', *сварщик* 'глупый, неразвитый человек', *у него одна извилина, и та след от фуражки* 'о глупом военном'). Использование этнонимов в качестве обозначений дурака имеет разные основания. Представитель другого этноса – это одновременно человек, говорящий на непонятном языке, и человек, не понимающий русского языка: диал. *воть, турок, лопарь, орда, нерусь*, жарг. *татарин* 'глупый, бестолковый человек'. А наличие в жаргоне «чукотской» и «африканской» темы (*умный чукча, пигмей, африканское дерево* 'глупый человек') объясняется представлением о невысоком уровне развития отдельных народностей. Симметричные друг относительно друга модели **умный человек** ← **городской житель** (диал. *подгородник* 'образованный, культурный человек', *напитериться* 'поумнеть') и **дурак** ← **житель деревни** (жарг. *деревня, сельпо, кантри, колхоз, крестьянин* 'глупый человек') воплощают идею культурно обусловленной неразвитости ума. Активно разрабатывается образ разрушенного дома: диал. *Алеша ищи квартиру*, жарг. *крыша едет, безбашный, балка рухнула, шифер лопнул, шторка упала, дома не всё в порядке, бабушка на фронте, совсем маму потерял* 'о глупом человеке'. Многие модели социального кода актуализируют момент контрастности «дурака» и социума, склонность носителя русского языка делить мир на свой и чужой.

В **антропологический код** включены наименования глупого человека, образованные от антропонимов; имена собственные, используемые для обозначения бестолкового, простоватого, необразованного человека имеют сильную социальную «привязку». Набор имен в диалекте и в жаргоне различается, ср. диал. *Агафон, Акулина и Окулина, Алёха сельский, Алеша бесконвойный, Алёна, Аноха, Арина и Арьяна, Ахрамей, Липат, Макар, Максим, Маланья, Мирон, Параня Мишина, Филя тобольский* и жарг. *Ванька, Ваня дуб, Ваня алюминиевый, Ванька из Криворожья, Ванька с Пресни, Вова алюминиевый, Дунька и Дунька с мыльного завода, Вася по жизни, Васёк, Клава, Маруся, деловая Маша, Маша с*

Уралмаша, умная Маша. Ср. случай стилизации жаргонизма под диалектное произношение: жарг. *Хвеня* ‘о глупом, бестолковом человеке’.

Зоологический и **ботанический** коды фиксируют проекцию человеческих качеств, действий на представителей растительного и животного мира, которые видятся носителю языка примитивными (жарг. *ботаническая особь* ‘примитивный, неразвитый, глупый’, *одноклеточный* ‘недалекий человек’, *зоологического типа (кто)* ‘глупый человек’). Названия домашних животных и птиц, представляющихся человеку суетливыми (как *овца угарная* ‘о бестолковом человеке’), упрямыми (диал. *ослё* ‘глупцы’), агрессивными (диал. *царь куриный* ‘сердитый и бестолковый человек’), неповоротливыми (жарг. *корова* ‘крупная, неловкая, глупая женщина’) и др., с высокой регулярностью приобретают вторичные отрицательно-интеллектуальные значения. Дикие животные предстают находящимися на низкой ступени развития (жарг. *гамадрил* ‘очень глупый человек’), легко поддающимся обману (жарг. *олень* ‘глупый, наивный, несообразительный человек’, диал. *язёвый лоб* ‘дурак, тупица’) и т.п. В рамках ботанического кода наиболее активна «деревянная» метафора, которая реализует мотивы “твёрдый” (диал. *дубоватый* ‘глуповатый’, жарг. *самишит* ‘глупый человек’), “неподвижный” (*балда стоеросовая* ‘дурак’), “пустой” (*бамбук* ‘глупый человек, тупица’).

В рамках **природно-метеорологического кода** активны образы ветра (диал. *со сквознячком* ‘с придурью’, *полуветер* ‘о молодом, еще неопытном и легкомысленном человеке’) и тумана (жарг. *туман* ‘ничего не понимающий человек’). Первый символизирует пустоту, второй – неспособность видеть. «Ландшафтная» метафора включает образы леса, поля, лужи, болота, которые задействуют признак “дикий, удаленный от центров культуры и образования”: диал. как *отросни из лесу* ‘о людях мало знающих’, жарг. *тайга* ‘глупый человек’, диал. *полевой* ‘дикий, ничего не понимающий’, *болотина, лужа* ‘глупый человек’.

Элементы **мифологического кода** содержатся в диал. *боговатъ* ‘думать, размышлять’, *божеволитьсѧ* ‘бесноваться, сходить с ума’, *божий человек* ‘юродивый, придурковатый, идиот’, *анчутка* ‘о глупом человеке’, *леший* ‘о сумасшедшем, буйном человеке’, *адовщина* ‘темнота, невежество’, *раич* ‘придурковатый человек, дурак’. Образы Бога и черта, рая и ада могут утрачивать свою противопоставленность, выражая мотив “чужой, инакий”.

В **пространственном коде** объединены модели, связанные с ориентацией и передвижением в пространстве. Показателен образ захвата личного жизненного пространства человека чем-то враждебным, инородным: *глум нашёл, намороки хватили, неум взял, вступило в голову, бестолочью обтянуло*. Ум же «сдает свои территории»: диал. *ум отходит* ‘об ослаблении умственных способностей’, *отвести ум* ‘лишить разума’. При означивании мыслительных акций активно используются глаголы движения: *мысли проносились, роились, вертелись в голове; научный подход, исходить (из чего), выводить (что)*; жарг. *въехать* ‘понять’ и *въезжущий* ‘сообразительный’. Размышление описывается как попадание в какой-то локус, обычно водное пространство: *погрузиться в размышления*. Нарушения мыслительного процесса трактуются как отклонение от пути

(сойти с ума) и падение (диал. *попасть в проруху* ‘утратить способность соображать’, жарг. *спрыгнуть* ‘сойти с ума’).

В **предметном коде** представлены модели, обнаруживающие соотношение глупости или ума с образами вещей и материалов. В положительно-интеллектуальной зоне предметные образы редки; здесь представлены книга, букварь (диал. *книжный* ‘начитанный, ученый’, жарг. *букварь* ‘человек с широким кругозором, эрудит’) и игральные карты (угол. *валет* ‘юркий сообразительный парень’). В обозначениях глупого человека отмеченными оказываются предметы обуви (диал. *упак* ‘несообразительный человек’ ← ‘валенки’, жарг. *тапочек*, *шнурок* ‘дурак’), головные уборы (диал. *малахайник* ‘невежа, неуч’), сосуды и емкости (диал. *чуман берестяной* ‘о глупом человеке’), огородное пугало (*полохало гороховое* ‘несообразительный человек’), хлам (диал. *отрёпный выбиток* ‘невежда, неуч’), обрубки дерева и деревянные заготовки (*пень*, *чурбан*, *баклашка* ‘дурак’), орудия труда (диал. *пест*, *колотушка*, *обух* ‘глупый человек’, жарг. *долото* и *зубило* ‘глупец’). Язык рисует глупого человека изготовленным из дерева, металла, камня, стекла, плюша (жарг. *по пояс деревянный*, *чугунный*, *каменный*, *плюшевый* ‘глупый’, диал. *остеклеть* ‘не соображать’).

Кулинарно-гастрономический код, имеющий, по всей видимости, солидный «возраст», представлен преимущественно фактами диалекта. Не актуализированы в жаргоне метафоры **глупый человек – неудачная выпечка** (диал. *недопечённый* ‘не в уме’, *непропёка* ‘простофиля, олух’, *клякыш* ‘о недоразвитом человеке’ ← ‘недопеченный хлеб’, *непромес* ‘ненаходчивый, недогадливый человек’) и **глупый человек – тесто** (диал. *квашня* ‘простак; несообразительный человек’, *опара* ‘о неповоротливом, глуповатом человеке’). Умение печь хлеб как свидетельство в пользу того, что женщина является хорошей хозяйкой, входило в традиционную народную систему ценностей. Кроме того, в появлении подобных номинаций свою роль сыграл, по-видимому, сюжет о сотворении человека. По традиции продолжает использоваться, но не воплощается заново в жаргонных обозначениях дурака метафора **глупый человек – каша** (диал. *каша* и *манная каша* ‘простак, простофиля’, *комковка* ‘глупая женщина’). Образы продуктов питания (масло, соль, начинка для кулинарного изделия) обладают коннотацией ‘важный, существенный’ и становятся знаком наличия интеллекта, ср. диал. *масла нет в голове* ‘о глупом человеке’, *не до дна масляный* ‘об ограниченном человеке’, *солёный* ‘расторопный, находчивый’, *бессолый* и *несолёный* ‘глупый’, *ни с чем пирог* ‘глупый человек’. В жаргонных обозначениях интеллектуальной сферы активно используется операциональная метафора, ср. популярный мотив “способный / неспособный обрабатывать (пищу)” (производить термическую обработку продуктов, механическую обработку пищи – перетирание, измельчение). Поглощение и усвоение пищи для носителя жаргона гораздо более важно, чем ее приготовление.

Главные мотивы, реализующиеся в образах **технического кода** (который является, пожалуй, самым «молодым» в системе кодов), – “смещение” и “изъян, нарушение”. Первый воплощен в метафоре отклонения от дороги (жарг. *сруливать*, *съезжать*, *съехать с рельс* ‘сойти с ума’), второй – в метафоре поломки

механизма (диал. *поломаться* ‘сойти с ума’, *не пошурупило (кому)* ‘не пришло в голову’, жарг. *соображалка заржавела* ‘голова не работает’). В рамках последней выделяются модели, вскрывающие ассоциирование глупости с отсутствием деталей (жарг. *утратить пару шариков* ‘сойти с ума’), с электрическим замыканием (жарг. *замкнуло (у кого)* ‘об утрате способности соображать’, *пробки выбило* ‘о дураке’), с нарушением в работе средств связи (жарг. *помехи на линии, не алло, линия обрезана* ‘не понимает кто что’), со сбоями в работе компьютера (жарг. *файлы не сошлись у кого* ‘не понимает кто’), с поломкой механизма в результате смещения деталей (простореч. *шарики за ролики закатились*, жарг. *сдвиг по фазе* ‘о сумасшествии’, *съехать / сойти с катушек* ‘сойти с ума’). Среди жаргонных отрицательных обозначений человека по интеллекту обособлены такие, которые образованы по модели **глупый человек – механизм, вид транспорта** (на основании мотива “примитивный”): жарг. *дурнее пылесоса (паровоза), троллейбус, электровоз, паровоз, каток, бульдозер* ‘глупый человек’. Положительный полюс интеллектуальной семантики представлен скудно: жарг. *шевелить колесами* ‘думать’, *винтики крутятся* ‘идёт мыслительный процесс’, *фурычить, шурупить* ‘понимать, разбираться в чем’.

При помощи элементов **геометрического кода** даются максимально упрощенные реализации мотивов. К описанию интеллектуальной несостоятельности привлекаются признаки “круглый” (разг. *круглый дурак*), “широкий” (диал. *ширеный дурак* ‘о глупом человеке’) как символы полноты, т.е. высокой степени проявления глупости, “прямой” (жарг. *прямой* ‘дурак’) и “квадратный” (жарг. *квадрат* ‘крайне тупой человек’) как символы примитивизма и “вогнутый” (жарг. *вогнутый* ‘тупой’) как графический аналог повреждения.

В рамках **цветового кода** представлена цветовая гамма, проявившая себя в обозначениях интеллектуальной сферы. Рыжий и пестрый цвет – символы заметности дурака, его инаковости: диал. *лёдрий* ‘непонятливый, глупый’ ← ‘рыжий, пестрый (о масти коров)’, жарг. *рыжий* ‘дурак’. Желтый, зеленый цвет – знак молодости: диал. *паламан желторотый* ‘простофиля’. Серый, черный и темный сигнализируют плохую видимость: диал. *темная ночь* ‘о необразованном человеке’, *черные люди* ‘безграмотные, невежественные люди’, *из серых серый* ‘самый темный, отсталый’. Белый цвет, косвенно представленный в «мучной» метафоре, как можно предположить, реализует мотив “меченый”, ср. диал. *мучным мешком ударенный, с мельником поборовши*; они наводят на мысль о прочтении диал. *полубелый* как «обсыпанный мукой».

Третий раздел второй главы озаглавлен *Мотивы, актуализированные в лексике поля «Интеллект человека»*. Необходимость отдельного рассмотрения мотивов вызвана тем, что лексический материал, не обладающий образностью, не должен остаться за пределами исследования (ср. диал. *неправильный* ‘слабый’), а отвлечение от предметных сфер действительности дает возможность иного обобщения (без буквального прочтения образности). Выделяются мотивы разной степени обобщенности. Наибольшую степень имеют **мотивационные доминанты** – предельно абстрактные идеи, объединяющие многочисленные элементы какого-либо семантического поля. Мотивационные доминанты опи-

раются на **сквозные мотивы**, обладающие более развернутым содержанием, радиус их действия охватывает не все пространство поля, а несколько лексико-фразеологических групп, относящихся к различным сферам отождествления. Более конкретны **частные мотивы**, которые можно сформулировать с различной степенью детализации: от мотивационного признака, положенного в основу отдельной лексемы или фразеологизма, до признака, который объединяет какой-либо словесный ряд (синонимов, антонимов, когипонимов и т.п.). К примеру, идея антинормы, доминантная для лексико-семантической зоны «Глупость», реализуется в нескольких сквозных мотивах, в том числе в мотиве “лишенный чего-либо”. Его вариантами являются частные мотивы “незавершенный” (диал. *недоделок, недопеченный, недоладок*, жарг. *бескрышник*), “частично лишенный ценного содержания” (диал. *половинный дурак, малоум, умом не дошел, граблен умом*), “лишенный содержимого головы” (диал. *порожний*). Внутри частных мотивов можно выделять еще более конкретные мотивационные признаки: последний из названных частных мотивов объединяет мотивационные признаки “пустой” (диал. *пустоколпачник, ополоумиться, ни с чем пирог, человек с ветриной*), “легкий” (*лёгонький умом*), “чистый” (жарг. *студ. стерильный, чистый* ‘ничего не знающий, не подготовившийся к зачету, экзамену’).

В название параграфов третьего раздела вынесены сквозные мотивы и мотивационные доминанты, среди которых есть симметричные (“энергичный – неэнергичный”) и асимметричные (“чужой”). Например, параграф, описывающий сквозной мотив “энергичный – неэнергичный”, состоит из двух подразделов.

Первый (*Уровень интеллекта – степень подвижности*) включает в себя две мотивационные модели, поскольку умный видится то быстрым, то неторопливым, а дурак – то медлительным, то чрезмерно подвижным. С одной стороны, быстрота движений символизирует энергичную деятельность человека, в частности, скорость мышления: диал. *быстречик* ‘о способном, остроумном мальчике’, *моторный* ‘смышленный’. Признаком подвижности может выступать легкость: диал. *легкомысленной* ‘умный, сообразительный’. С другой стороны, негативную оценку получает вертлявость, вызывающая неспособность сосредоточить внимание на мыслительных операциях (диал. *вертоголовый* ‘глупый, пустоголовый; легкомысленный’), а также излишняя быстрота умственных действий. Диалектные лексемы *скорый* ‘дурной’, *крутоумный* ‘поспешный в решениях; легкомысленный’ вскрывают представление о том, что думать быстро – значит добиться неудовлетворительного результата, ср. диал. *некруть* ‘человек, не делающий ничего наспех, необдуманно’. Однако более многочисленная группа лексем указывает на медлительность глупого человека. Признаки “тугой”, “тяжелый” лежат в основе лексем, называющих медленно соображающего человека: *тугой, тугодум, тугоплавкий, тяжелоум, тяжкоум*. В описании медлительности участвует фрагмент технической метафоры, рисуя сцену остановки движения: *стопор* ‘дурак’ и т.п. В основе моделей **глупый человек** ← **тяжелый, увесистый предмет** (диал. *кибас* ‘болван, истукан’ ← ‘грузило невода’, *булыч* ‘глуповатый человек’ ← ‘булыжник,

валун') и **глупый человек** ← **часть ствола дерева с корнем** (диал. *орячина, стоит как пень, дурак стоеросовый*) лежит мотив "неподвижный".

Во втором подразделе (*Уровень интеллекта – ступени температурного спектра*) рассматриваются особенности «температурной» мотивации. Мотивационный признак "высокая температура", реконструируемый для фразеологизмов *бурлит решалкой* 'интенсивно думать над чем-л.', *чайник кипит у кого* 'о состоянии переутомления при умственной работе', призван актуализировать интенсивность мыслительного действия. Сочетания типа *холодный рассудок, решить на холодную голову* содержат сему 'низкая температура' и манифестируют свободу от «теплоты» эмоций. Таким образом, мотивационные признаки "холодный" и "горячий", будучи антонимами, притягиваются лексикосемантической зоной «Ум». Жарг. *теплый* 'глупый, несообразительный человек' имеет промежуточный статус в температурном спектре и апеллирует к недавней или потенциально возможной более высокой температуре, так как любая деятельность и вообще жизнь связывается с повышением температуры, ср. *кипучая деятельность; жизнь чуть теплится* 'очень слаб, близок к смерти'. Наконец, обозначение противоположной кипению крайней отметки – очень низкой температуры – тоже задействовано в выражении отрицательно-интеллектуальной семантики (*как дурак с морозу* и др.) и призвано актуализировать сему 'застывший', имеющую устойчивую коннотацию *неподвижный*, ср. *застыть от удивления, застывший взгляд*. Из четырех ступеней температурного спектра три (температура кипения, теплота и мороз) описывают интеллектуальную деятельность с точки зрения ее достаточной или недостаточной энергичности.

Подобным образом в этом – третьем – разделе второй главы представлены следующие мотивы: упорядоченный / хаотичный, смешанный; устойчивый / смещающийся, отклоняющийся; энергичный / неэнергичный; имеющий что-л. в достатке / лишенный чего-л.; способный / неспособный выполнять свои функции; хороший / плохой, негодный; эволюционирующий / деградирующий; примитивный; чужой.

В **четвертом разделе** (*Мотивационная организация поля «Интеллект человека» в этнолингвистическом аспекте*) обсуждаются возможности изучения этнокультурного потенциала интеллектуальной лексики.

Такой аспект анализа предполагает, во-первых, **реконструкцию культурного фона**, сопутствовавшего появлению отдельных слов и выражений. Так, интересны выражения *черта в зеркале увидеть* и *себя в зеркале не видеть* 'сойти с ума', «прямое» прочтение которых (= так ненормален, что в зеркале видит черта вместо себя / не видит ничего) модернизирует представления, связанные с символикой зеркала в славянской народной культуре: зеркало считается «нечистым», опасным предметом, атрибутом и локусом нечистой силы; ср. также представления о том, что дьявол может «снять» образ смотревшегося в зеркало человека, делая его своей жертвой. Очевидно, обрядовая практика и верования такого рода повлияли на появление рассматриваемых идиом.

Во-вторых, определенную этнокультурную информацию может дать изучение *диапазона варьирования образного основания лексических единиц* в какой-либо этнической или социальной среде (к примеру, растительная метафора расширяется в жаргоне за счет включения образов ярких, необычных или редких растений: *баобаб* ‘тупица’, *эдельвейс* ‘психически ненормальный человек’ и др.).

В-третьих, необходимо осуществлять поиск глубинных этнокультурных «сигналов», которые скрываются в самих *закономерностях организации мотивационной структуры* данного поля. Такие закономерности прослеживаются как на уровне системы кодов (уровне внешней мотивации), так и на собственном мотивном уровне (внутренней мотивации).

Говоря об организации системы кодов, важно выстроить *иерархию кодов*, выявить их *сравнительную продуктивность*, которая имеет социальную, пространственную и временную детерминированность. Набор кодов, специфичный для каждой формы существования русского языка, способен дать самую общую информацию о языковой картине мира его носителя. Так, диалект очень активен в использовании природно-метеорологического, мифологического, речевого, физиолого-соматического, цветового кодов, в то время как жаргон – технического, социального, геометрического. Универсальными для разных форм существования русского языка являются антропологический, зоологический, ботанический коды, пространственный, предметный, кулинарно-гастрономический.

В ходе анализа лексики поля «Интеллект» вырисовываются *ключевые образы* традиционной русской культуры: дом, дорога, труд, продукты и приготовление пищи, в особенности стряпня, выпечка; большую аксиологическую нагрузку несет речь человека. Значимость образа дома (причем дома не движущегося, а статичного) – знак оседлости народа-номинатора; показательно, что в лексемах, описывающих интеллектуальную неполноценность человека, запечатлены ситуации отсутствия дома и разрухи в доме. В русских говорах большое внимание уделяется образу калитки (*калитка отворёна* ‘о придурковатом человеке’, *как плохой плетень* ‘о нерасторопном, бестолковом человеке’). Для носителя диалекта распахнутая калитка – это значимое и особо выделенное проявление рассеянности; открытая калитка может привести к таким серьезным последствиям, как потеря урожая, который будет вытоптан зашедшей в огород или на поле скотиной. Характерно, что в концепт дома включается и семья (*совсем маму потерял, бабушка на фронте, никого нет дома* ‘о глупом человеке’). В ситуации отсутствия родственников, используемой для описания интеллектуальной неполноценности человека, в первую очередь отмечаются родственники по женской линии: хранительнице очага нет места в разрушенном доме.

В традиционной культуре обнаруживается концепт опасного бездорожья. Дороги и дураки связаны частными мотивами “смещения” (отклонение от дороги: *спятить*), “беспорядка” (блуждание по кругу, плутание: *в трех соснах заблудиться*), “дикости, бескультурья” (непроходимые места, глушь, бездорожье: *болотный, подкокорник*). Можно предположить их тесную взаимосвязь с

мифологическими представлениями об опасностях, которые таит лес – место обитания нечистой силы, способной «водить» человека, сбивая его с дороги.

Безусловной ценностью в традиционной картине мира является труд. Праздность (диал. *досужий* ‘глупый, бестолковый’), нежелание работать (диал. *лозбень* ‘о глупом, ленивом человеке’, *локас* ‘неумелый, глупый человек’) и неумение организовывать свой труд (сарат. *кулемес* ‘деятельный, но бестолковый человек’ – от *кулемесить* ‘делать что-либо нелепое, несуразное’) приписываются глупому человеку, в то время как расторопность (диал. *на камню дыру вертеть* ‘об умелом, расторопном, умном человеке’), предприимчивость (*делец* ‘деловой умный человек’) и умение извлекать выгоду (диал. *добычной* ‘смышлелый, проворный’) свидетельствуют об уме.

Для этнолингвистического анализа на уровне системы кодов (внешней мотивации) значима также **логика взаимодействия кодов друг с другом**: закономерности притяжений и эстафет имеют определенную этнокультурную обусловленность. Например, в группе диалектных слов, реализующих «обувную» метафору (как *сибирский валенок* ‘глупый, неумный человек’, *чупак* ‘невежа, «темный» человек’ ← ‘негодная обувь’, *опорина* ‘о недалеком человеке’, *отопок полевой* ‘о темном, необразованном человеке’ ← *отопок* ‘старая изношенная обувь’ и др.), обнаруживается явственное взаимодействие с моделью «дурак ← хлам, мусор», тоже весьма популярной в говорах (*мякинная голова* ‘глупый, дурной человек’, *шума* ‘тот, у кого недостаточно развиты умственные способности’ ← ‘мусор; мякина, отходы при молочении зерна’, *опарыш* ‘глуповатый человек’ ← ‘пришедший в негодность банный веник’). Если в «обувной» метафоре потенциально присутствует сема низа, контакта с землей (обувь наиболее «удалена» от головы и является своеобразным антиподом последней), то подключение к ней «мусорной» метафоры обусловлено общим прагматизмом традиционной картины мира, для которой плохое может концептуализироваться как негодное в хозяйстве. Показательно, что жаргон, где обувная метафора тоже встречается, не дает случаев взаимодействия ее с «мусорной» (*ботинок* ‘тупица’, *калоша* ‘растяпа, дурак’, *стелька* ‘глупый человек’, *туфля* ‘дурак, тупица, растяпа’, *тапочек* ‘дурак, идиот, недотепа’; ср. также на уровне подошвы (объяснить что-л.) ‘предельно просто и доступно’). Более того, «мусорные» образы в жаргоне вообще очень редки и почти не вовлекаются в сферу обозначений человека по интеллекту.

Работа на уровне внутренней мотивации предполагает **анализ соотношения мотивационных доминант, сквозных и частных мотивов номинации**. Поле «Интеллект человека» базируется на шести мотивационных доминантах: “норма” и “антинорма”, “примитивность” и “чуждость”, “интенсивность проявления признака или действия” и “каузированность интеллектуальных состояний”.

Первые две доминанты составляют пару, симметрично отраженную в двух лексико-семантических зонах изучаемого поля. Идея антинормы, лежащая в основе подавляющего большинства языковых фактов с отрицательно-интеллектуальной семантикой, проявляет себя в следующих сквозных мотивах: “отклоняющийся, смещающийся”, “неспособный выполнять свои функции”,

“неэнергичный”, “лишенный чего-л.”, “смешанный, хаотичный”, “негодный”, “деградирующий”. Мотивационная доминанта “норма”, наличествующая в лексико-семантической зоне «Ум», реализована в сквозных мотивах “устойчивый”, “способный выполнять свои функции”, “энергичный”, “имеющий что-л. в достатке”, “упорядоченный”, “позитивно оцениваемый”, “эволюционирующий”. Как можно заметить, симметрия наблюдается и между сквозными мотивами, реализующими идею нормы и антинормы: *устойчивый – смещающийся* и т.д.

Две другие мотивационные доминанты – “примитивный” и “чужой” – участвуют в организации лексико-семантической зоны «Глупость». Потенциально возможные контрастные доминанты “сложный” и “свой”, должны присутствовать в лексико-семантической зоне «Ум», практически не запечатлены в лексических и фразеологических единицах русского языка.

Наконец, мотивационные доминанты “каузированность интеллектуальных состояний” и “интенсивность проявления признака или действия” являются общими для обеих лексико-семантических зон. Например, качественное изменение (отрицательное или положительное) интеллектуальных способностей человека происходит в результате поедания чего-л., удара, проникновения чего-л. в голову. Ср., с одной стороны, диал. *облопаться* ‘сойти с ума’, *объестся белены / бесюки* ‘обезуметь’, *пехнутой* ‘ненормальный’, *мухи в голове* ‘о глупом человеке’ и, с другой стороны, диал. [как] *вороньи (сорочьи) яйца (ягоды) есть* ‘о человеке, способном предугадывать что-либо, дальновидном’, *толнуть в голову* ‘прийти в голову (о мысли)’, *встрелило* ‘пришло на ум’. Высокая степень (интенсивность) проявления признака *глупый* описана при помощи элементов пространственного (*дурье гнездо*), физиологического (*глупый всем ростом, пехтый дурак*), природно-метеорологического (*дубовая роца*), геометрического (*круглый дурак*) кодов и количественной метафоры (*квадрат в квадрате*). Интенсивность мыслительных действий запечатлена в диал. *лютый* ‘смышлелый, догадливый’, *ломанина* ‘умственная работа’.

Мотивы имеют обычно различную *продуктивность*. Первые две мотивационные доминанты, симметрично отраженные в поле «Интеллект человека», несопоставимы с прочими по своей продуктивности. Ср. мотивационную доминанту с более низкой продуктивностью: чуждость дурака отмечена при помощи элементов мифологического (*святуха, божий человек, преподобный, райка, черта в зеркале увидеть, леший*), социального (*юродивый, житель соседней области, чужеземец, носитель чужого языка*), цветового (*рыжий*) кодов.

Так же обстоит дело с продуктивностью сквозных и частных мотивов. Например, в положительно-интеллектуальном пространстве изучаемого поля сквозной мотив “способный выполнять свои функции” охватывает несоизмеримо большее количество лексики, чем, скажем, сквозной мотив “устойчивый”. Наряду с высокопродуктивными частными мотивами движения (диал. *пошевеливать в голове* и *ворочать варганкою* ‘думать’), достижения цели (*достремитесь* ‘догадаться, смекнуть’, *дохожий* ‘находчивый’), адекватного восприятия и реагирования (диал. *чувствовать* ‘помнить, знать, понимать’) и т.п., эксплицируются и малопродуктивные частные мотивы: опасность ума и знаний

отражена в мифологическом коде (ён 'ум', жарг. *сатана* 'умный следователь') и в зоологическом (жарг. *тигрица*), сила ума – в предметном коде (*козырь* 'об умном, самостоятельном человеке, независимом в суждениях и поступках').

Относительно **этнокультурной маркировки мотивов** следует сказать, что она становится заметной при пошаговом прохождении «лестницы» мотивов: если идея антинормы имеет минимальную степень маркированности, то отдельные конкретизирующие ее мотивы дают определенную этнокультурную информацию, которая прочитывается в свете установок, выработанных образом жизни народа (ср. вывод о том, что нормой для русского человека является наличие «статичного» дома, порядка в нем и семьи). Понятно, что этнокультурный «вес» мотива обратно пропорционален степени его обобщенности: мотивационные доминанты имеют минимальную этнокультурную значимость, а частные – выраженную более ярко.

Метафоры и мотивы существуют в языковых фактах в неразрывном единстве. При моделировании поля главенствующая роль должна отводиться мотивам. Они первичны, они лежат *в основании* метафор, являются базовыми элементами, фундаментом, на котором зиждется замысловатая постройка, выложенная из кирпичиков-метафор.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ синтезирована когнитивно-значимая информация, полученная при помощи двух разных видов анализа, предложены некоторые выводы общего характера и представлены языковые портреты ума и глупости.

Концептуальную модель поля можно представить в виде четырехгранника, основание которого составляет множество языковых единиц, описывающих интеллект человека, а три другие грани – разные возможности рассмотрения одного и того же объекта. Сквозь каждую грань видны определенные структурные единицы, мелкие и крупные, связанные отношениями включения (семы : семантические сектора, метафоры : предметно-тематические коды, мотивы : мотивационные доминанты). Пространство внутри четырехгранника мы определили бы как корпус когнитивной информации об объекте исследования.

В центре лексико-семантической зоны «Ум» находится способность человека выполнять свои функции, т.е. наиболее важной следует считать динамическую составляющую в семантике и мотивации лексем. Согласно норме, движению предъявляются такие требования, как энергичность, интенсивность действия (жарг. *бурлить решалкой* 'интенсивно думать над чем-л.'), скорость (диал. *моторный* 'смышленный') и результативность (жарг. и простореч. *въехать, доехать, дойти, догнать, домчать, допереть* 'понять'). **Мыслительное действие** ассоциируется с такими действиями и процессами, как: 1) шевеление, движение (органа или неких идеальных сущностей): *рогом шевелить / шерудить, шарики крутятся; мысли роятся в голове, пронеслась мысль, мысли мелькали в голове*; 2) манипуляция с предметом, обработка его: *разжевать, схватывать* (как *собака, кошка, щука*); 3) успешное целенаправленное продвижение по пути: *научный подход, выходит (что), достремчивый*; 4) физиологический процесс: *вынашивание и рождение ребенка (вынашивать идею)*; 5) усвоение пищи (*голова не переваривает*); 6) вегетация растений: *заронить мысльцы, созрела идея*;

7) восприятие органами чувств: *чукавый, нюхловатый, ухо с глазом, провидливой*; 8) обмен ресурсами: *обмен мыслями, набраться ума, добывать / передавать знания*; 9) работа механизма: *шарики крутятся*; 10) синкретичное единство мыслительного и речевого действия: *изболтать* ‘выдумать’.

Мыслительная способность метафоризируется как (а) вместилище с неким содержимым, ценным или упорядоченным, (б) основа, суть, (в) управляющий центр, (г) исполнительный орган. В русском литературном языке ум – это ресурс (*обмен мыслями*) и орган (*тренировать интеллект, здравый смысл*); в русских говорах он предстает как опора (*грунт* ‘толк, разум’, *крепкий умом* ‘разумный, рассудительный’), порядок (*алабор* ‘ум, рассудок’) или ценный продукт (*не до дна маслен* ‘о глупом’); в жаргоне и просторечии – это механизм (*калькулятор* ‘голова, мозг’). Универсальными оказались представления об уме как центре и хозяине, очень близкие друг другу по реализации мотива “*главный, главенствующий*”, ср. образы хозяина мира нечистой силы (*ён, сатана*), правителя (простореч. *без царя в голове* ‘о глупом’), административных органов (диал. *сельсовет работает* ‘голова соображает’, *сельсовет списан* ‘о глупом’, *кремлёвская голова* ‘об умном’, *синодчица* ‘умная, сообразительная женщина’, *сенатик* ‘неглупый молодой человек с претензиями на ученость’).

Интеллектуальная неполноценность же предстает как (а) лишение, обделенность, (б) отсутствие содержания, (в) наличие негодного или смешанного содержания, (г) вообще хаос, неясность, (д) неустойчивость. Носитель жаргона склонен видеть ее суть в примитивизме, а для картины мира диалектоносителя более характерно настороженное отношение к интеллектуальной неполноценности человека: он подозревает в безумии высший промысел или результат опасного вмешательства в жизнь человека чужой силы, признавая тем самым существование – наряду со своим понятным, прагматически ориентированным миром – другого пространства, в котором есть место всему тому, что необъяснимо и непригодно в жизни. Разного рода колебания – шатание, начало движения в результате утраты опоры, отклонение от траектории движения, обратное движение – тревожные сигналы, которые маркируются как антинорма, получают неодобрение (ср. *земля уходит из-под ног*) и приспособляются для описания аномалий вообще, а в частности – интеллектуальной неполноценности человека.

Исследование показало, что результаты рассмотрения с двух сторон указанной группы лексики смыкаются, совпадают на уровне выявляемых когнитивных пропозиций. Комплексная характеристика поля «Интеллект» подразумевает демонстрацию когнитивной общности результатов, полученных в рамках семасиологического и ономасиологического подходов, примененных к исследованию лексики интеллектуальной сферы. Настоящая работа не имеет целью представить *глупость* характеристической для русского человека, национально-специфичной чертой, впрочем, равно как и *ум*. Мы попытались провести поиск базовых когнитивных структур, таких элементов, которые лежат в основе языковых образов, предполагая, что эти элементы есть самая неподвижная, устойчивая, неизменная часть наших представлений об уме и интеллектуальной неполноценности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. Интеллектуальная неполноценность человека в изображении русского языка // Актуальные проблемы лингвистики: Мат-лы ежегодн. регион. науч. конф. Екатеринбург: УрГПУ, 1998. С. 43–44.
2. Интеллектуальная неполноценность человека в зеркале русского языка: новые семантические модели // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. Вып. 6. С. 22–29.
3. Концептуальная оппозиция *свое – чужое* в обозначении интеллектуальной деятельности человека // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 84–87.
4. Об особенностях языкового представления идей интеллектуальной неполноценности человека (на материале русских народных говоров) // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. 8-й рос. науч.-практ. конф. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. С. 196–199.
5. К вопросу о симметричных мотивационных моделях (на материале русской диалектной лексики со значением оценки интеллекта) // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: Мат-лы всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения В.И. Даля. Ярославль: ЯрГПУ, 2001. С. 96–99.
6. Опыт установления границ концептуального поля «Интеллект» в лексике русских народных говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М.: Наука, 2002. С. 277–286.
7. Метафора температуры в концептуальном поле «Интеллект человека» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. Т.8. С. 33–40.
8. Вегетативная и физиологическая метафора в лексике концептуального поля «Интеллект человека» // Язык. Система. Личность. Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование: Матер. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. 25–26 апреля 2002. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 70–73.
9. Метафора зрительного восприятия в концептуальном поле «Интеллект человека» // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: УрГУ, 2003. Вып. 4. С. 64–77.
10. Семантическая структура поля «Интеллект человека» в русском языке // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С. 108–119.

Подписано в печать 28.10.2003. Формат 60х84 1/16
Бумага для множительных аппаратов.
Усл.-печ. л. 1,6. Тираж 100 экз.
Отпечатано на ризографе в ООО «Таймер-КЦ».
Екатеринбург, Сибирский тракт, 3–301